

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

МАЙ-ІЮНЬ

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1917

Изъ міра религіозныхъ созерцаній.

Божественные Гимны преподобнаго *Симеона Новаго Богослова*. Переводъ съ греческаго съ изображеніемъ св. Отца, вступительной статьей, предисловіемъ къ гимнамъ ученика преп. Симеона Никиты Стрелата и др. приложеніями. Переводъ іеромонаха Пантелеймона. Сергіевъ посадъ, 1917. Цѣна 3 р. Стр. 280 + 68 + VIII.

Русская переводная литература по религіозно-мистическимъ вопросамъ въ настоящемъ изданіи обогатилась памятникомъ первостепеннаго значенія. Преп. Симеонъ, за высоту своего богословскаго созерцанія получившій почетное наименованіе Новаго Богослова, афонскій подвижникъ и писатель XI вѣка, доселѣ былъ представленъ въ русской литературѣ двумя выпусками „Словъ“ въ переводѣ епископа Теофана (Завторника), и „Слова“ эти исключительно высоко цѣнились въ кругахъ православныхъ читателей. Нынѣ трудами и усердіемъ іеромонаха Пантелеймона, посвятившаго себя изученію рукописей преп. Симеона и для этой цѣли предпринимавшаго особое путешествіе на Афонъ, русскій читатель осчастливленъ возможностью ознакомиться съ высочайшими созерцаніями и вдохновеніями св. отца, содержащимися въ „Божественныхъ Гимнахъ любви“: τῶν θεῶν ὄμιλον ἔρωτες—divini amoris sive castae contemplationes. Безспорно, здѣсь мы имѣемъ вершину восточнаго созерцанія, и для постиженія природы восточнаго православія въ его своеобразіи и отличіи отъ западнаго христіанства и западной мистики гимны любви имѣютъ значеніе важнѣйшаго, непосредственнаго самосвидѣтельства. Здѣсь мы имѣемъ не метафизическую спекуляцію (св. Симеонъ и самъ говоритъ о себѣ, какъ о не приобщившемся къ современной ему учености, и это подтверждается его жизнеописаніемъ), и не религіозную мораль, но свидѣтельство религіознаго опыта, потрясающаго своей огромностью, непосредственностью и силой, даже способнаго устрашать и соблазнять дерзновенностью своей. Кто хочетъ узнать, что такое религія, каковъ такъ наз. религіозный опытъ, пусть прикоснется къ пламени этихъ страницъ, узнаетъ это изступленіе божественной любви.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что какъ писатель св. Симеонъ не представляетъ ничего выдающагося, и хотя гимны написаны распространеными въ то время „политическими“ стихами, фактически они представляли собой лишь его келейныя записи, родъ духовнаго дневника. И вся потрясающая сила ихъ принадлежитъ не формѣ, но содержанию, и болѣе всего безмѣрности этого религіознаго вдохновенія, силѣ богообщенія, экстазу въ горній міръ. Даже совершенно чуждый религіи, но интеллектуально чуткій и совѣстливый человѣкъ не можетъ не остановиться, какъ передъ загадкой, передъ этимъ мощно бьющимъ фонтаномъ религіозныхъ вдохновеній. Нельзя и пытаться здѣсь передать эту силу и грандіозность содержанія гимновъ, только отмѣтимъ нѣкоторыя ихъ черты. Гимны открываются введеніемъ, молитвеннымъ призваніемъ св. Духа:

„Пріиди, свѣтъ истинный. Пріиди, жизнь вѣчная. Пріиди, современная тайна. Пріиди, сокровище безымянное. Пріиди, лицо непостижимое. Пріиди, непрестанное радованіе. Пріиди, свѣтъ невечерній... Пріиди, имя превозделѣнное и постоянно провозглашаемое. Пріиди, радость вѣчная. Пріиди, вѣнонь неувядающій... Пріиди, котораго возлюбила и любить несчастная душа моя. Пріиди, одинъ къ одному, потому что я одинъ, какъ ты видишь. Пріиди, самъ содѣловавшійся желаніемъ во мнѣ и сдѣлавшій, чтобы я желалъ Тебя, совершенно неприступнаго“ и т. д. Въ гимнахъ описывается неопишуемое состояніе души, охваченной богообщеніемъ. „Присходящее сокровенно во мнѣ блудномъ и совершающееся въ извѣстной неизвѣстности, вѣдомо для меня и невѣдомо для другихъ, какой языкъ изречетъ? какой умъ изъяснить? какое слово выразить, чтобы и рука моя могла начертать то? Ибо повстинѣ, Владыко, страшно и ужасно и превосходитъ слово то, что мнѣ видится Свѣтъ, Котораго міръ не имѣетъ, и меня любитъ Тотъ, Кто не пребываетъ въ этомъ мірѣ, и я люблю Того, Котораго отнюдь нѣтъ средь видимаго. Сидя на ложѣ, я нахожусь внѣ міра, и пребывая въ своей келии, вижу Того, Кто вѣчно пребываетъ внѣ міра и Кто содѣлался человѣкомъ, съ Которымъ же я и бесѣдную, дерзко же будетъ сказать—Котораго и люблю, и Онъ меня любитъ. Одно созерцаніе Его служить для меня пищей и прекраснымъ питаніемъ; соединяясь же съ Нимъ, я восхожу превыше небесъ, и знаю, что это истинно и достоверно бываетъ. Гдѣ же тогда находится это тѣло, не знаю. Знаю, что пребывающій недвижимымъ нисходитъ ко мнѣ. Знаю, что невидимый видится мнѣ. Знаю, что далеко отстоящій отъ всей твари воспринимаетъ меня внутри Себя и скрываетъ въ объятіяхъ, и я нахожусь тогда внѣ всего міра. Съ другой стороны, и смертный и ничтожный среди міра внутри себя созерцаю всего Творца міра, и знаю, что не умру, пребывая внутри самой Жизни и имѣя всецѣлую, внутри меня возрастающую Жизнь. Она и въ сердцѣ

моемъ находится и на небѣ пребываетъ: здѣсь и тамъ Она видится мнѣ равно блистающей“ (46—7).

Замѣчательной особенностью созерцаній преп. Симеона является то, что онъ, несмотря на всю полноту и реальность богообщенія, ни въ какой степени не утрачиваетъ сознанія безусловной трансценденности Божества. Богъ въ Себѣ есть Тайна, недовѣдомая всей твари, не только человѣкамъ, но и ангеламъ.

Богъ ни что не есть изъ того, что мы вообще знаемъ,
Даже ни что изъ того, что знаютъ Ангелы.
Въ этомъ мірѣ Богъ, говорю, ни что не есть,
Ни что изъ всего, какъ Творецъ всего,
Но превыше всего. Ибо кто бы могъ сказать,
Что есть Богъ, т.-е. чтобы сказать,
Что Онъ есть то-то или то-то? я совершенно не знаю,
Какой Онъ, каковъ, какого рода или Онъ различенъ (213).

Иначе говоря, въ преп. Симеонѣ мы имѣемъ одного изъ яркихъ выразителей такъ назыв. отрицательнаго богословія ¹⁾. И здѣсь онъ рѣзко отличается, въриѣе—противопоставляется такимъ представителямъ западной, преимущественно протестантской, германской, мистики, какъ Мейстеръ Эккегартъ и Я. Бёме, которые, съ своимъ уклономъ къ монизму или имманентизму, либо потопляютъ міръ въ Богѣ, либо совершенно сливаютъ Бога съ природой. Основныя особенности мистики церковной и нецерковной выступаютъ съ наглядностью при этомъ сопоставленіи. Исповѣдуя премірность, непостижность, трансценденность Божества, преп. Симеонъ вмѣстѣ съ тѣмъ антиномически утверждаетъ и возможность полноты богообщенія:

Весь во всемъ мірѣ, видимомъ и мысленномъ,
И наоборотъ внѣ ихъ находишься, Боже мой,
Совершенно не допуская ни приращенія, ни убавленія,
Весь, хотя и недвижимый, всегда такъ пребывая,
Но дѣйствіями Ты всегда присподвиженъ,
...будучи и недвижимъ и какъ-то присподвиженъ,
Ты ни движешься, ни стоишь, ни сидишь; наоборотъ,
Но, всегда сидя, совершенно всегда стоишь;
Стоя же напротивъ весь всегда движешься,
Никогда не переходя, ибо куда Ты уйдешь? (197).

Но непостижимымъ образомъ трансцендентный Богъ становится имманентнымъ человѣку, вочеловѣчивается, а человѣкъ обожается, становится Богомъ по благодати, Христомъ, и *опытно* въ этомъ удо-

¹⁾ Проблема „отрицательнаго богословія“ рассматривается въ моей книгѣ „Святъ Невечерній. Созерцанія и умозрѣнія“. 1917. Москва (къ сожалѣнію, въ историческомъ очеркѣ „отрицательнаго богословія“ у меня оказался пропускъ съ Симономъ Навинъ Богословъ.)

стовѣряется. Вотъ этотъ-то *опытъ* обоженія и есть самое центральное, дерзновенное и вмѣстѣ ослѣпительное въ духовной исповѣди преп. Симеона. „Какое слово могло бы выразить, какой языкъ высказать, какія уста изрекутъ то, что видится во мнѣ происходящимъ и совершающимся цѣлый день? Ибо и въ самой ночи и въ самой тьмѣ я съ трепетомъ вижу Христа, Который отверзаетъ мнѣ небеса, Самъ склоняется оттуда и видится мнѣ вмѣстѣ съ Отцомъ и Духомъ—Свѣтомъ трисвятымъ“ (137). „Кто чрезъ добродѣтель сдѣлалъ келію свою небомъ, тотъ, и сидя въ ней, созерцаетъ и видитъ Творца неба и земли и поклоняется Ему, всегда сопребывая со Свѣтомъ незаходимымъ, Свѣтомъ невечернимъ, Свѣтомъ непреступнымъ, отъ Котораго онъ никоимъ образомъ не отлучается и вовсе не удаляется ни днемъ, ни ночью, ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни даже во снѣ, либо въ пути, или при перемѣнѣ мѣста, но какъ живой, такъ и мертвый, говоря же яснѣе—совершенно вѣчно сопребываетъ съ Нимъ душою. Ибо какъ невѣста разлучится отъ жениха или мужъ отъ жены, съ которой онъ сочетался однажды? Сказавшій: и будетъ два въ плоть едину—какъ самъ не станетъ съ душою совершенно единымъ духомъ? Ибо жена въ мужѣ и мужъ въ женѣ, и душа въ Богѣ и Богъ въ душѣ—соединяется и познается во всѣхъ святыхъ“ (92). „Когда божественный огонь возсіяетъ и домъ души твоей очиститъ, тогда онъ смѣшивается съ нею безъ смѣшенія и соединяется несказанно, существенно съ сущностью ея, весь со всею совершенно, и мало-по-малу озаряетъ ее, дѣлаетъ огнемъ, просвѣщаетъ... Тогда двое—душа съ Творцомъ дѣлаются едино, и въ душѣ пребываетъ Творецъ, одинъ съ одною весь Тотъ, Кто дланію Своею содержитъ всю тварь... И дивнымъ чудомъ бываетъ тогда плоть моя! Не только существо души, но также и члены тѣла моего, приобщившись божественною славой, блистаютъ божественнымъ свѣтомъ... Онъ подаетъ мнѣ божественную руку, поднимаетъ изъ болота, весь, обнимая меня, падаетъ на шею и (увь мнѣ! какъ я стерплю это) безпрестанно цѣлуетъ меня. Когда же я весь изнемогъ и лишился силъ (горе мнѣ! какъ напишу я это), Онъ беретъ меня на плечи—о любовь, о благодать!.. изводитъ изъ ада, отъ земли и изъ мрака и вводитъ меня въ иной либо міръ, либо воздухъ, чего я вообще не могу выразить“ (18—19). Въ томъ состояніи обоженія, которое описывается преп. Симеономъ, нельзя не видѣть характернаго различія отъ аналогичныхъ состояній святыхъ зап. церкви, напр., Франциска Ассизскаго: тамъ—„подражаніе“ Христу, стремленіе Ему уподобиться, вытянуться, и предѣльное достиженіе—стигматизація, появленіе ранъ Христовыхъ; здѣсь—внутреннее сляніе съ Христомъ, облеченіе въ Него, которое распространяется не только на духъ, но и на тѣло, покольку Христосъ былъ воистину воплотившимся Богочеловѣкомъ. И здѣсь мы находимъ въ „Божественныхъ Гимнахъ“ глубоко

значительныя по смѣлости и по своему смыслу слова: „Мы дѣлаемся членами Христовыми, а Христосъ нашими членами. И рука у меня несчастнѣйшаго и нога Христосъ. Я двигаю рукою, и рука моя есть весь Христосъ, ибо Божественное Божество, согласись со мной, нераздѣльно; двигаю ногой, и вотъ она блистаетъ, какъ и Онъ“ (261). Я остановлю тату, чтобы не смущать неподготовленнаго къ этой мысли читателя льнѣйшимъ ея развитіемъ у св. отца, который свидѣтельствуетъ также о своемъ духовномъ отцѣ: „Св. Симеонъ Благоговѣйный, Студить, ѣ не стыдился членовъ всякаго человѣка, ни видѣть нѣкоторыхъ наженными, ни быть видимымъ обнаженнымъ. Ибо онъ имѣлъ всего Христа и самъ весь былъ Христомъ, и всѣ свои члены и члены всякого другого онъ всегда созерцалъ какъ Христа“ (263).

Таковъ общій характеръ темъ, затрогиваемыхъ въ Божественныхъ мнахъ. Нельзя не благодарить переводчика, подъявшаго этотъ нелый трудъ—дать русскому читателю величайшія религиозныя вдохновенія греческой письменности. И даже если работа перевода стилистически не всегда совершенна (хотя, впрочемъ, и этимъ отражаетъ стиль тора), то надо имѣть въ виду, что переводъ Гимновъ на одинъ изъ воевропейскихъ языковъ вообще *впервые* появляется именно въ русской богословской литературѣ. И нельзя не благодарить редакцію *Болловскаго Вѣстника*, которая задумала дать Божественныя гимны въ чествѣ приложенія къ журналу съ тѣмъ, чтобы затѣмъ пустить ихъ въ отдѣльную продажу. Въ качествѣ самостоятельнаго приложенія книжка слѣдуетъ отмѣтить предметный указатель къ твореніямъ еп. Симеона (къ его „Словамъ“ и „Гимнамъ“), облегчающій ориентировку въ сложномъ ихъ содержаніи.

С. Булгаковъ.